

же начинались с импровизаций. Ливанов, Энтин и я, сидя вместе, рассказывали друг другу, какой будет мультфильм, и постоянно друг друга разыгрывали. Энтин писал стихи и Ливанов тоже стал писать стихи, чтобы завести Энтина: «Подумаешь! И я такие стихи могу написать, а ты напиши лучше!». И тогда Юрий Сергеевич написал действительно блистательные стихи, чтобы доказать Ливанову, что он может лучше.

— У меня вопрос про «Голубого щенка», — говорю я, допивая первую чашечку чая. — Голубой щенок — он просто так голубой или это все-таки сатира?

Геннадий Игоревич даже немного обижается:

— Он называется так потому, что таких щенков в жизни нет. Считайте, что это зеленый щенок. Просто он необычный.

— Значит, о его ориентации речь не идет!

— Да нет же! В наше время об этом вообще не говорили. 70-е годы, тогда за это судили. Темы такой не было. А сейчас — просто катастрофа. И когда начинают это афишировать, этим гордиться и говорить, что все это замечательно и правильно — то я на стороне папы римского, который это не приемлет!

Геннадий Gladkov:

ГОЛУБОЙ ЩЕНОК — ЭТО ПРО ДРУГОЕ

Геннадий Игоревич, я знаю, что в школе вы учились вместе с Василием Ливановым и у вас были какие-то Багратипартовские планы. Что это такое?

— Слово Багратипарт состоит из двух частей: Багратион и Бонапарт. Для нас «Планом Багратипарта» были какие-то проекты, мы их даже называли «прожекты». Нас интересовал не сам план, а скорее его обсуждение. Мы вели себя как романтики-идеалисты. Нашими героями были гусары. Любимой эпохой — 1812 год, время высокой чести, высокого героизма, прекрасных дам. Мы варили пунши. Устраивали театрализованные ухаживания за девушками. В огромных количествах дарили цветы.

— А как варить пунш?

— Мы смешивали водку, красное вино, корицу, гвоздику, нарезали туда фрукты всякие, и все это варили-варили. Иногда мы даже не давали нашему пуншу остыть. Мы кипели страстями и пили его горячим, отчего потом страшно болели головы.

— А в чем состояли сами планы?

— Ну вот, например, надо похитить какую-то девицу, кто-то ею увлекался. И мы строим планы, как возьмем лошадь на конезаводе, кто где будет стоять, как она выйдет, как мы сажаем ее на лошадь, куда-то мчимся! Потом были планы Багратипарта по созданию гениальных произведений. Мы планировали создать что-то немыслимое в своей жизни. При этом мы еще свои профессии не нашли. Я учился в химическом политехникуме, я был химиком, а Василий Ливанов учился на художника. Первый Багратипарт состоялся только когда мы все

Геннадий Gladkov — композитор-мелодист и сказочник — родился в музыкальной семье. Не теряя времени, он отправился на гастроли с джазовым оркестром Цфасмана, в котором его отец солировал на аккордеоне. Каждый вечер в Сочи Gladkov-старший играл «Раскаленное солнце», а среди благодарной публики всегда можно было найти Gladkova-маленького с мамой. Позднее Геннадий Gladkov сочинит музыку к телефильму «12 стульев» с Андреем Мироновым, и секрет великолепных мелодий станет объяснять именно этой первой гастролью. Без «Бременских музыкантов», «Голубого щенка» и песенок Львенка и Черепахи наше детство не было бы столь одухотворенным. Музыка к «Обыкновенному чуду», «Дому, который построил Свифт», «Дульсинее Тобосской», «Собаке на сене» и «Джентльменам удачи» до сих пор вызывает удивление и восторг. Композитор Gladkov не любит шумихи вокруг своего имени и старательно сводит все интервью и встречи с журналистами до минимума. Счастливым образом просочившись в этот минимум миниморум, мы оказались в рабочем кабинете Геннадия Игоревича, все небольшое пространство которого занимал огромный рояль.

На столике сбоку нас ждал ужин: всевозможные напитки, пирожные, сладости, фрукты и чай. Похрустывая печеньем, я задаю свой первый вопрос:

бросили, и в Щукинском училище на выпуске Василий поставил сказку «Три толстяка», а я написал музыку. И что интересно! Прошло очень много времени, и сейчас Василий Ливанов снял фильм «Дон Кихот возвращается», и в сцене, где Санчо и Дон Кихот вспоминают молодость, звучит вальс, который я написал к «Трем толстякам». Через сорок с лишним лет эта музыка вернула нашу работу.

— А «Бременские музыканты» тоже были одним из Багратипартов?

— Этот Багратипарт был неосознанным. А в результате стал самым популярным. «Бременские музыканты» то-

— Геннадий Игоревич, а что сейчас происходит в вашей жизни?

— Я только что закончил детский мюзикл.

— Это для театра?

— Нет, это для Кремлевской елки. Уже 6 лет каждый Новый год — новое сочинение — мюзикл с песнями, танцами, костюмами, светозффектами. Первый раз предложили в 92-м году. Я с кривым лицом согласился, как раз после «гайдаровского ограбления», когда был полный провал и в плане денег, и в плане интереса. Мы все остались на нуле, авторских никаких, заказов нет. Теперь каждый год — детский мюзикл

— как вынь да положь. Театр «Бенефис» на Юго-Западе заказал нам с Юлием Кимом «Сватовство по-московски» по двум пьесам Островского. Хотим сделать что-то простодушное, милое и веселое. На «Мосфильме» художественный совет поддержал другой мой мюзикл к съемкам. И все готово режиссер, сценарий. Но денег нет! И мы уже полгода стоим на низком старте, уже спины затекли — денег нет!

— У меня вопрос про муки творчества, — говорю я, ощипывая виноградную гроздь. — Не бывает ли вам иногда страшно, что следующая мелодия может получиться хуже предыдущей?

— Вы знаете, — начинает композитор, который лишь пригубил свой чай, — творчество это такое дело: вас бросило в воду и вы плывете. Каким стилем? Это уже никого не интересует. Главное — не утонуть. Очень важно за себя отвечать и не бояться. Пусть даже в вас будут кидать камни. Когда мою оперу релетировали первый раз, я был в ужасе. Это все равно, что выйти гольм среди людей, чтобы на тебя все смотрели: «Зад не на месте и ноги кривые!» Идти нужно смело, а что выйдет — то выйдет. Тем более композитор никогда не может ровно писать.

— Геннадий Игоревич, а что для вас актуальность в музыке?

— Я не разделяю музыку на старую и новую. Есть музыка гениальная, талантливая и менее удачная. Я люблю и Скрябина, и Рахманинова, и Римского-Корсакова, и Чайковского, и Глазунова. Самое интересное — классики были такими же людьми, как мы с вами! По телевидению сейчас очень мало такой музыки. В советские времена ее было гораздо больше. Особенно когда кто-то умирал из вождей. Тогда я телевизор просто не выключал, потому что шла классная музыка — траурная, величаяя: Вагнер, Верди. С блистательными исполнителями! Сейчас телевидение засорено попсой. Ужасающей. С 70-го года я собирал весь иностранный рок и я видел, как он выродился. «Битлз» закончили, и началось что? Шоу!

— Но ведь у «Роллинг Стоунз» и сейчас бывают очень хорошие вещи, — вступаю я за любимую команду, отхлебывая из второй чашечки чая.

— Ни одной мелодии у них нет! «Битлз» — гениально музыкально, и будут долго еще звучать! Я говорю не про тексты, а только про музыку.

— У «Роллинг Стоунз» очень хороший энергетический заряд! — вступаю я, засовывая очередную печеньку в рот.

— А в заряде есть музыка? — спрашивает композитор.

— Геннадий Игоревич, а может быть вы расскажете нам следок какой-нибудь забавный эпизод из вашей композиторской практики?

— А сейчас ничего веселого не происходит. Борешься, чтобы хорошо записали музыку, третишь нервы... Раньше как было: приходит оркестр, и тромбонист меня сразу спрашивает: «Ты принес?» «Принес». «Ну все, тогда я буду спокойно работать». Если вечерняя запись, я ему коньяк приносил, а если с утра — то вермут.

— Сейчас тромбонист уже не пьет?

— Сейчас записали, денег схватили, и все. А тогда плата была государственная, все на равных, занимались только творчеством. Предмет торга отсутствовал. Сейчас приходится думать в основном о юридических вопросах. Терпеть не могу все эти денежные дела! Как один господин мне сказал: «А я думал, вы крутой!» Я говорю: «Крутой — это композитор другой. Я таким и не хочу быть!»

После чего композитор Gladkov все-таки уговорил меня выпить martini. Я подняла тост, конечно же, за Геннадия Gladkova, ведь без его «Голубого щенка» мое детство было бы таким неполным.

Яна СОКОЛОВА
Фото Яны СОКОЛОВОЙ тоже

